

Глава V

О тоддах вообще, а о муллу-курумбах и баддагах в частности. – Вырванная страничка из деяний доктора Шарко.

Факты – опасный и нелегко побеждаемый враг...

Альфред Россель Уоллес

Сколько мы успели дознаться, тодды не имеют представления о божестве и даже отвергают *дэв* (див), коим поклоняются их соседи баддаги. Поэтому когда ничего подобного тому, что мы привыкли называть религией, не существует у этого странного племени, то говорить о его религии довольно трудно. Применять к ним в нашем случае пример буддистов, которые также не признают идеи о Боге, немислимо: у буддистов есть, во всяком случае, весьма сложная философия, тогда как у тоддов, если какая и имеется, то о ней никто ничего не знает.

Так откуда же у них явились такие высокие понятия о нравственности, редкое и почти неизвестное у других более цивилизованных народов, строгое применение в жизненной практике всех отвлеченных добродетелей, каковы, например, любовь к правде, к справедливости, уважение права собственности и соблюдение раз данного слова? Неужели же мы должны отнестись серьезно к гипотезе одного миссионера-унитариянца¹, что тодды – допотопный остаток семейства Еноха, «безгрешных смертных»? Тодды, сколько мы успели открыть, имеют самые странные понятия и о загробном существовании. На вопрос, что ждет тодда, когда его тело превратится на костре в пепел, один из *тералли* отвечал:

– Его тело вырастет травой на этих горах и будет кормить буйволов. *А любовь к детям и брату превратится в огонь, вознесется на солнце и будет вечно гореть в нем пламенем, грея буйволов и других тоддов.*

Приглашенный объяснить яснее, он добавил:

– Огонь этого, – указывая на солнце, – весь состоит из огней любви.

– Но разве там горит любовь единственно только одних тоддов? – заметил его собеседник.

– Да, – ответил *тералли*, – одних тоддов, потому что *всякий добрый человек, белый или черный*, есть *тодд*; а злые не любят, поэтому там их не может быть.

И материализм, и трансцендентальный мистицизм розенкрейцеров, кусочек, вырванный из миросозерцания древних египетских гиерофантов²... *Où la philosophie va-t-elle se nicher*³!..

Раз в год, весной, в продолжение трех дней, один *клан* тоддов за другим совершают род паломничества и восходят на Тоддабетский пик, где теперь лежат развалины храма Истины. В этом святилище они совершают нечто вроде публичного покаяния и взаимной исповеди. Там держат совет и сознаются друг другу во грехах, вольных и невольных. Говорят, будто в первые годы прихода англичан там приносились жертвы за *сокрытие истины* (прямая ложь им неизвестна), согрешивший отдавал буйволенка, за чувство гнева на брата – целого буйвола, который иногда кропился кровью из левой руки кающегося тодды⁴.

Все эти обряды и лоскутки, видимо, скрываемой ими философии, если нечто подобное у них существует, заставляют людей, сведущих в древней халдейской, египетской и даже средневековой магии, подозревать их в обладании если не полною системой, то частью так называемых тайных наук, или *окультизма*. Одна эта система, которую разделяют с незапамятных времен на *белую* и *черную* магию, способна дать логическое объяснение такого завидного чувства уважения к истине и нравственности почти в первобытном, полудиком племени без религии, как и безо всякого примера чего-либо подобного в других известных ему народах и племенах. По нашему мнению, – а оно перешло теперь в полное, непоколебимое убеждение, – тодды – последователи вырожденные

¹ Унитарии – религиозные верующие, не принимающие догмат о Троице.

² иерофантов (*англ.* hierophant).

³ Так где же философия совет себе гнездо (*фр.*).

⁴ Это пишет капитан Гаркнесс в своем сочинении 1837 года. Мы не могли найти развалин этого храма; мистрис Морган думает, что автор смешал тоддов с баддагами. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

и, быть может, полубессознательные древней науки *белой* магии, а муллу-курумбы – отвратительные последователи *черной* магии, или колдовства. Вот доказательства этому.

Легко привести свидетельство целого ряда известных в истории и литературе людей, от Пифагора⁵ и Платона до Парацельса⁶ и Элифаса Леви⁷, которые, посвятив себя исключительно изучению этой древней науки, учат, что *белая или божественная магия не может быть доступна тем, кто отдается или даже склонен к пороку, под каким бы видом он ни проявлялся*. Правдивость, чистота нравов, отсутствие эгоизма и любовь к ближнему – вот первые необходимые качества *мага*. Одни чистые душой «видят Бога», говорит аксиома розенкрейцеров. Вместе с тем, магия никогда не была чем-либо *сверхъестественным*.

Этот наукой тодды обладают вполне. К их *тералли* приносят больных, и они их вылечивают. Часто они даже не скрывают своего способа врачевания. Больного кладут спиной вверх *на солнце* и оставляют так на несколько часов, в течение коих тодд-целитель водит по больному руками, чертит разные непонятные фигуры своею палочкой по разным частям тела, особенно на больном месте, и дует на него. Потом берет чашку молока, читает заговоры над ней, – то есть проходит совершенно через те же церемонии и обряды, как и наши знахари и знахарки, – дует на нее и затем поит молоком своего пациента. Почти нет примера, чтобы тодд, раз согласившись лечить, не вылечил больного. А соглашаются они редко. До пьяницы и развратного человека они ни за что не дотронутся. «Мы лечим *любовью*, которая льется из солнца, – говорят они, – а на такого *злого* человека она не подействует».

Дабы распознать дурного или, как они говорят, *злого* от доброго человека среди принесенных больных, их кладут перед буйволом-вожаком: если больного следует лечить, то буйвол станет его обнюхивать; если же тот не годится, то буйвол приходит в ярость и больного скорее уносят...

Другое доказательство: маги, как и их последователи теургисты, строго восставали против вызывания душ умерших. «Не тревожь и не вызывай ее (душу), дабы уходя она не унесла с собою чего земного», – говорит Пселлий⁸ в *Халдейских оракулах*⁹. Тодды верят во *что-то* переживающее тело, потому что, по сознанию баддагов, запрещают им иметь дело с *бхутами* (привидениями) и велят избегать их, как и курумбов, которые слывут великими некромантами.

Справедливо профессор Молитор (в своей *Философии истории и преданий*)¹⁰ замечает, что «только добросовестное изучение преданий всех народов и племен может привести современную науку к должной оценке древних наук... В эти науки и тайны, говорит он, входила и древняя магия, которую изучал сам пророк Даниил и которая была двоякая: *божественная* магия и *зловредная* магия, или колдовство. Посредством первой человек ищет войти в сношение с миром духовным и невидимым; изучая второй род магии, он старается получить власть над живыми и мертвыми. Адепт *белой* магии стремится к совершению благотворных, добрых деяний; адепт *черной* науки старается лишь о том, чтобы совершать невозможные дьявольские, зверские поступки»...

Тут почтенный епископ очень ясно проводит разницу между тоддами и курумбами. Как и между оккультистами всех веков и современными медиумами, которые, когда они не шарлатаны и обманщики, делаются бессознательными некромантами и колдунами.

⁵ Пифагор Самосский (570–490 до н.э.) – древнегреческий философ и математик, создатель философской школы пифагорейцев.

⁶ Парацельс (1493–1541) – швейцарский алхимик, врач, философ, естествоиспытатель, натурфилософ.

⁷ Альфонс-Луи Констан (псевдоним Элифас Леви, 1810–1875) – французский философ, автор трудов по магии.

⁸ Михаил Пселл (1018–1078) – ученый византийский монах, автор исторических и философских трудов, математик.

⁹ «Халдейские оракулы» – восстанавливаемый по цитатам более поздних авторов текст последней четверти II века, сакрализовавший платонизм в его среднеплатонической традиции. История создания «Халдейских оракулов» на основе свидетельств Михаила Пселла, опиравшегося на Прокла, описывается как общение Юлиана Теурга с душой самого Платона, ответы которой расшифровал и снабдил комментарием отец медиума Юлиан Халдей.

¹⁰ *Philosophy of History and Traditions*, p. 285 <«Философия истории и традиций», с. 285>. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Франц Йозеф Молитор (1779–1860) – немецкий историк и философ, автор труда «*Philosophie der Geschichte oder über die Tradition*» («Философия истории, или Традиция», т. 1–4, 1827–1855).

Отбросив в сторону, в угождение материалистам, гипотезу о белой и черной магии, чем и как объяснить те тысячи неуловимых в своей отвлеченности, но совершенно ясных и неопровержимых на деле действий и обоюдных сношений между тоддами и муллу-курумбами? Почему, например, тодды производят свои исцеления днем и на солнце, а муллу-курумбы свои вредные заклинания только при луне и ночью? Почему одни вылечивают, а другие убивают и насылают болезни? Почему, наконец, курумб так страшно боится тодда, что при виде одного из этих людей, которые не тронут и не сделают вреда даже укусившей их собаке (если бы какое-либо животное или зверь мог укусить тодда), этот отвратительный карлик, собирая свои зелья, падает наземь словно в падучей болезни? Это заметила не я одна, а многие неверующие ни в черную, ни в белую магию скептики. Вот что говорит, между прочим, миссионер Метц:

«...Между тоддами и курумбами существует какая-то враждебная сила, заставляющая курумбов повиноваться против воли тоддам. Встречаясь с ними, карлик падает наземь в припадке, похожем на эпилепсию. Он извивается на земле, как червь, дрожит от ужаса и выказывает все признаки скорее нравственного, нежели физического страха... Чем бы он ни был занят в то время, как к нему приближается тодд, – а курумб редко когда бывает занят чем-либо хорошим, – достаточно, чтобы тодд не только дотронулся, но даже помахал в его сторону своим бамбуковым жезлом (*bamboo rod*), чтобы заставить муллу-курумба¹¹ бежать без оглядки. Но чаще всего он спотыкается и тут же падает, иногда замертво, пребывая до удаления тодды в мертвенном трансе (*dead trance*), чему я был неоднократно свидетелем...»¹²

Тода

Фотография из книги:
Маршалл У.Э. Странствия среди тодов,
или изучение первобытного племени в Южной Индии. Лондон, 1873

¹¹ Так как курумбы разделяются на несколько ветвей и получили название вследствие крошечного роста, почему называют и другие малорослые племена курумбами, то нильгирийское племя и получило для отличия от других название «муллу-курумбы», или *карлики-терновники* (от слова *муллу*, «терновник», и *курумба*, «карлик»), так как они обыкновенно живут в самых непроходимых, глухих лесных чащах, где преобладает терновник. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹² *Reminiscences of life among Toddas* «Воспоминания о жизни среди тодов», стр. 144. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Эванс в своем дневнике: *Ветеринарный врач на Нильгири*, говоря о том же самом, доканчивает начатую Метцем картину и добавляет: «...Очнувшись от припадка (?), курумб начал ползти на животе, как змея, и есть, срывая зубами выбираемые им на земле травы, а затем тереть и собственное лицо о землю, процесс, который мало способствовал увеличению его природной прелести. Крепко пропитанная железом и охрой земля смывается весьма трудно с тела. Вследствие этого, когда мой новый знакомый (курумб, желавший его обокрасть) встал на ноги, пошатываясь, словно пьяный, после нежеланной встречи, то он и явился пред нами, как клоун в цирке, весь испещренный желто-красными, кровавыми полосами и пятнами...»

Вот еще факт. Как уже сказано, у тоддов нет ни оружия, чтобы защищаться против зверей, ни даже собаки, чтобы давать знать о приближающейся опасности. Несмотря на это, вы не найдете в воспоминаниях самых старых из старожилов Утти ни одного случая убиения или даже поранения тодды тигром или бешеным слоном. Зарезанный дикими зверями буйволенок – о буйволе нет и речи – из стад тоддов есть величайшая редкость; унесенный тигром ребенок их или женщина – неслыханное дело. А это, прошу заметить, происходит в местах, где еще и теперь, в 1883 году, когда Голубые горы усеяны жилищами, заселены народом, редко проходит неделя без несчастного случая с людьми, а одна треть табунов и стад наперед считается пропавшею от диких зверей. Кули, пастухи, дети туземцев, да и отцы их, более или менее подвержены лютой смерти от кровожадного тигра или блуждающего, взбесившегося дикого слона. Один тодд способен сидеть целые дни у опушки леса и спокойно дремать, равнодушный и уверенный в своей полной безопасности!

Так как же нам объяснять этот всем известный, всеми замеченный факт? Случайностью, как объясняется у нас все необъяснимое? Странная случайность, однако; такие совпадения, которые совершаются на глазах у англичан вот уже более шестидесяти лет; и во всяком случае, если их трудно проверить, а еще менее доказать до прихода европейцев, то они теперь проверены вполне. Даже присяжные статистики приняли во внимание и записали этот факт, хотя и тут дело не обошлось без *наивности*.

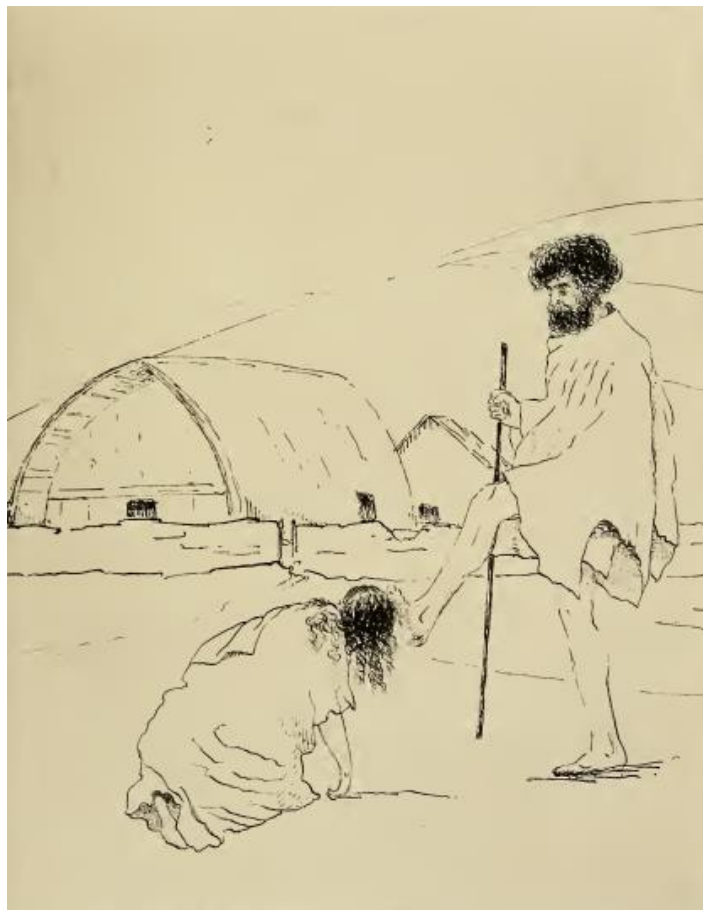
«Тодды *почти* (?) никогда не подвергаются нападению зверей, – читаем мы в *Заметках статистических таблиц* за 1881 год, – *вероятно*, вследствие какого-нибудь присущего им одним *специфического запаха, отталкивающего зверя!*» Боже, какая наивность!..

Эта «вероятность» *специфического запаха* достойна быть напечатанною золотыми буквами!.. Но даже такая *специфическая* глупость приятнее присяжным скептикам, нежели колющий им глаза неопровержимый *факт*.

В этой неопровержимости, перед которою европеец закрывает, как страус, глаза и, пряча голову, льстит себя надеждой, что ее не увидят другие, и лежит разгадка глубокого благоговения, с одной стороны, и страха, с другой, возбуждаемых тоддами почти во всех прочих племенах этих гор. Баддаги их боготворят, а муллу-курумбы дрожат пред ними. Если при встрече лицом к лицу со спокойно идущим тоддом, в руке которого одна безвредная и невинная на вид тросточка, страх повергает курумба на землю, то чувство благоговейной любви и преданности заставляет баддаг[ов] делать то же самое – только добровольно. Баддаг, завидя тодда еще издали, простирается пред ним на землю и молча ждет приветов и благословения; и баддаг совершенно счастлив, если его *див*, слегка дотронувшись босою ногой до головы своего поклонника, начертит по воздуху одному ему понятный знак и затем спокойно удалится «с лицом гордым и беспристрастным, как у греческого бога», по выражению капитана О'Греди¹³.

Но как же смотрят на это фанатическое чувство благоговения баддагов к тоддам англичане и как они объясняют его? Совершенно естественно и просто. Они отвергают как глупую сказку предания баддагов о том, как и почему такие отношения зародились в их праотцах, и объясняют эту легенду по-своему. Так, полковник Маршалл пишет в своем сочинении:

¹³ Captain W.L.D.O'Grady.

Благословение тода
Рисунок из книги:
Маршалл У.Э. Странствия среди тодов,
или изучение первобытного племени в Южной Индии. Лондон, 1873

«Это чувство тем более странно, что по статистике баддагов оказалось с самого начала в одиннадцать раз более, нежели тоддов. Эта пропорция десяти тысяч к семи сотням. Но никто и ничто не разубедит суеверного баддага в том, что тодд есть сверхъестественное существо. Тодды – великаны в физическом отношении, а баддаги – не очень большого роста, хотя чрезвычайно мускулистые и сильные люди. Вот и весь секрет»¹⁴.

Далеко не весь. Почему, например, ни хоты (кхоты), ни эруллары, оба племени чрезвычайно малого роста и очень слабого сложения в сравнении с баддагами, хотя и уважают тоддов и всегда с ними в сношениях и дружбе, но не выказывают, однако, никакого подобострастного чувства? Чтобы проникнуть [в] загадку, следует знать историю баддагов и верить им, если не безусловно, то и не отвергая их добровольного показания. Вся суть, по-нашему, в том, что баддаги – *брамины*, хотя и очень полинялые и выродившиеся, а эруллары и хоты – просто парии. Как браминам домусульманских времен в Индии, баддагам известно многое, что для других является мертвой буквой. Что именно, это объяснится в следующей главе, а пока поговорим немного о баддагах и их религии. Как и все прочее на Голубых горах, она отличается оригинальностью и неожиданностью.

На голой высоте Рангасуамийского пика стоит их единственный покинутый храм. Их религия вся состоит из обрядностей, смысл коих они давно утратили. Этот пик – их Мекка, куда они отправляются раза два-три в год читать заклинания против большей части браминских же богов. Во мнении полковника Охторлея¹⁵, главноуправляющего горами, баддаги – одна из самых робких и суеверных рас Индии. «...Они живут в непрерывном страхе злых духов, которые витают

¹⁴ *The Toddas*, p. 17. – Примечание Е.П.Блаватской.

См.: *Marshall W.E. Travels amongst the Todas, or The Study of a Primitive Tribe in South India. London, 1873* (Маршалл У.Э. Странствия среди тодов, или изучение первобытного племени в Южной Индии. Лондон, 1873).

¹⁵ J.Ouchterlony.

вокруг них постоянно в их воображении, и в таком же бесконечном ужасе при одной мысли о курумбах. Ужас, внушаемый карликам тоддами, они внушают в свою очередь баддагам».

Послушаем, что говорит в своем ученом сочинении опытный полковник о *суеверии* бедных баддагов.

«Людская ли болезнь, мор ли скота, каждая, словом, неприятность или случайность в их семействах, особенно разоряющий их неурожай, тотчас приписываются баддагами чарам злых колдунов-курумбов; и они бегут искать помощи в противудействующих заклинаниях *доброто* тодда... До такой степени вкоренилось во всех племенах Нильгири это глупое суеверие, что нам уже приходилось очень часто судить баддагов за повальное избиение целых семейств курумбов, как и за сожжение их деревушек. В таких случаях нет ничего труднее, как добывать против баддагов показания других племен. Как скоро жертвою оказывается курумб, а преступником баддаг, почти невозможно развязать язык свидетеля. Убийцу всегда приходится вешать с величайшими предосторожностями, дабы напрасно не возбуждать народа. Негодование и удивление нильгирийских племен, как и баддагов, еще понятно. Внушаемые им религией принципы учат их, что единственное средство укротить гнев их богов, гнев, возбужденный смертоносными чарами против людей, скота или посева курумбами и другими заподозреваемыми суеверием колдунами, состоит в том, чтобы принести виновного в жертву богу “мщения”. Но как понять или объяснить страх пред тоддами других туземцев Индии, уроженцев долин, страх, внушаемый им суеверным поклонением.

Баддаги вместе с этим нередко прибегают и сами к помощи и содействию курумбов, особенно, когда дело идет о каком-нибудь нечистом или незаконном приобретении. Тогда они обращаются посредством карликов к *воображаемым* и подвластным карликам злым духам...» (*Statistical Records of N[e]ilgherry*¹⁶).

Так пишет главноуправляющий, и пишет верно, хотя и не входит в подробности, в которые старается не верить. В одном, впрочем, даже англичанам пришлось убедиться: в таких «нечистых» делах никогда еще не был замешан ни один тодд. Помощь, которую баддаги нередко ищут и всегда находят у курумбов, они не могли бы надеяться получить от рыцарски честных тоддов, и в этих случаях они всегда подкупают колдунов...

Такие совершенно ненормальные и находящиеся в полном антагонизме одно с другим чувства баддагов к курумбам чрезвычайно интересны с психической точки зрения. Баддаги ненавидят курумба, они трепещут пред ним в ужасе и, несмотря на это, постоянно нуждаются в нем. Алчность и любовь к наживе превозмогают в них и врожденный страх, и запрещение тоддов употреблять колдунов на темные дела. Ни один посев, никакое дело у баддагов не обходится без помощи «черного заклинателя», как они называют это отвратительное существо, именуемое муллу-курумбом...

«Весною, во время посева, ни одна работа не начинается прежде, нежели курумб не *освятит* ее приношением на поле козленка или петуха (*всегда черных*), или пока он не бросит первой горсти семян и не произнесет известных заклинаний. Дабы получить хороший урожай, баддаги обращаются к курумбу, чтобы тот провел первый бороною, а во время жатвы скошил бы или сорвал первый сноп или плод»¹⁷.

Далее, в виде ученого объяснения, автор старается показать причину такого замечательного суеверия. На страницах 65 и 66 мы читаем следующее:

«Курумб смешно (*ridiculously*) мал ростом. Его чахлая мертвенная наружность с целым лесом нечесаных и связанных в огромный пучок или узел на макушке волос, его вообще омерзение внушающая фигурка *вполне объясняют глупый* перед ними *страх робкого баддага*. Встретясь с ними нечаянно на дороге, баддаг бежит от него, как от дикого зверя¹⁸. И если он не успел уйти вовремя от так называемого “змеиною взглядом” (*viper's glance*) колдуна, то баддаг

¹⁶ «Статистические отчеты Нилгири» (англ.).

¹⁷ *Statistics of the N[e]ilgherry Tribes of 1866*, pp. 62–63 <«Статистика нилгирийских племен за 1866 год», с. 62–63>. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

¹⁸ Автору следовало бы добавить впрочем, что баддаг бежит только от *питающих к нему вражду курумбов*. От других ему не для чего бегать. Но если курумб на кого зол, то, как мы сейчас покажем, он делается действительно опасным. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

тотчас же возвращается домой и с беспомощностью осужденной навечно жертвы предается, по его мнению, *неизбежной* участи. Он совершает над собою все предписанные *шастрами* обряды и предсмертные церемонии; разделяет, если владеет каким-либо имуществом, свои вещи, деньги и поля между родными; ложится и готовится к смерти, которая (нелепо даже подумать об этом!) наступает *между третьим и тринадцатым* днем после встречи! *Такова сила суеверного воображения*, – объясняет наивно автор, – *что она почти неизбежно убивает в назначенное время глупого бедняка...* Упоминаю также о сильно укоренившемся в народе таком же суеверии насчет тоддов. Эти, по их понятиям, обладают еще более замечательною силой по части магии: только тодды считаются честными, *добрыми* колдунами (*джадду*). Между этими двумя племенами баддагам приходится так же плохо, как ослу в стойле между двух коней. Они должны платить дань тоддам в знак своего к ним уважения, а вместе с тем и курумбу, чтобы тот не испортил посева. Впрочем, курумбы, насколько правительство успело исследовать их внутренний быт, живя столько столетий в лесах, успели приобрести значительные познания в свойствах разных трав и корней. Они вылечивают даже таких больных, от которых тодды отказываются¹⁹, но при этом, конечно, часто и убивают – *не колдовством и заговорами, а просто растительным ядом и по ошибке*».

Этим ученым объяснением убивается наповал всякое «суеверие». Прошу заметить подчеркнутые выше строки. Мы видели показание г-жи Морган в предшедшей главе и читали случай с Беттенем. Вот другой, весьма похожий на первый, только с совершенно другим результатом. Если *сила суеверного воображения одна убивает* или способна убить в *назначенное время испуганного бедняка*, то как почтенный автор объяснит следующий случай? Этот случай был очень недавно и его все помнят в Нильгири.

Англо-индийским «бара-саабам» негде встречаться с полудикими, грязными курумбами, как только в лесу, то есть из десяти раз девять во время охоты. Поэтому и второе столкновение между английским чиновником и курумбами случилось также из-за слона.

Героем этого происшествия был человек в довольно высоком официальном положении. Его все знали как одного из тузов общества, и семейство его, кажется, еще до сей поры не оставило Калькутты, где его молодая вдова живет у его старшего брата. Она была очень любима генеральшей Морган, и это единственная причина, почему я не могу, как в первом случае, дать его полное имя. Я обещала не называть его, хотя в описании этих происшествий его узнают все бывавшие в Мадрасе...

Мистер К***, как мы его назовем, поехал на охоту с несколькими приятелями, несколькими *шикарями* и многочисленною прислугой. Слона убили и только тогда заметили, что забыли взять с собой особенный для вырезывания клыков нож. Решили оставить животное под присмотром четырех баддаг[ов]-охотников, чтоб охранить его от диких зверей, самим отправиться завтракать в соседнюю плантацию. Оттуда К*** должен был вернуться часа чрез два за клыками...

Программа не трудная и, казалось, совершенно удобоисполнимая. Несмотря на это, не успел К*** вернуться, как нашел одно маленькое затруднение. На слоне сидело человек десять курумбов, которые усердно работали над клыками. Не обращая внимания на сановника, они ему хладнокровно объявили, что так как слон убит на их земле, то они и считают как его самого, так и его клыки своею собственностью. Действительно, их землянки оказались в нескольких шагах оттуда.

Понятно, как должен был быть взбешен такую наглостью высокомерный англичанин. Он приказал им убираться, пока они целы, иначе он прикажет людям разогнать их нагайками. Курумбы нагло рассмеялись и продолжали работу, даже не взглянув на *бара-сааба*.

Тогда К*** закричал слугам, чтоб они прогнали карликов силой.

С ним было человек двадцать охотников в полном вооружении; сам К*** был рослый красивый мушина, лет тридцати пяти, известный своим цветущим здоровьем и богатырскою силой столько же, как и своею вспыльчивостью. Курумбов было еле десятков, почти голых и безо всякого оружия. Четыре баддага, оставленные при слоне, конечно, разбежались в отсутствие прочих при первом требовании курумбов. Казалось, было более чем достаточно трех человек,

¹⁹ То есть пьяниц с зараженною и испорченною кровью. См. главу III. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

чтобы разогнать хищников-карликов. И однако же приказание К*** осталось без последствий: ни один человек не пошевелился...

Все стояли, дрожа от страха, позеленевшие, с понуренными головами. Несколько человек, и в том числе прятавшиеся в кустах баддаги, бросились бежать и исчезли в лесной чаще.

Муллу-курумбы, покрывавшие, словно букашки, труп слона, глядели на англичанина смело, оскалив зубы и как бы вызывая его на действие.

Мистер К*** окончательно вышел из себя.

– Прогоните ли вы, наконец, этих бродяг, подлые трусы? – зарычал он.

– Нельзя, сааб, – заметил седой *шикари*, – нельзя... Это нам верная смерть... Они на своей земле...

На сердитое восклицание поспешно слезавшего с лошади К*** вождь курумбов, безобразный, как воплощенный грех, вдруг вскочив на ноги на голове слона, стал, кривляясь, прыгать на ней, скаля зубы и щелкая ими, как шакал. Потрясая уродливою головой и кулаками и выпрямившись во весь крошечный рост, муллу-курумб обвел злыми, сияющими, как у змеи, впалыми глазками присутствующих и прокричал:

– Кто первый дотронется до *нашего* слона, скоро вспомнит нас в день своей смерти. Ему не видать новой луны...

Луна была в то время в своей предпоследней четверти. Угроза была, впрочем, напрасная. Слуги чиновника словно превратились в каменные изваяния.

Тогда взбешенный К***, перехлестав на пути толстою нагайкой правых и виновных, бросился с проклятием на курумба и, схватив его за волосы, швырнул далеко от себя на землю. Остальных, которые цепляясь, как вампиры, за уши и клыки мертвого слона, было воспротивились, он переколотил нагайкой и разогнал их в одну минуту.

Уходя, они остановились шагах в десяти от К***, который затем принялся сам вырезать клыки. По словам его слуг, во все время операции *они не спускали с него глаз*.

Окончив работу, К*** отдал клыки людям отнести домой, а сам уже было собрался занести ногу в стремя, когда его взгляд снова встретился со взглядом побежденного им старшины курумбов.

– Глаза этой гадины произвели на меня впечатление взгляда отвратительной жабы... Я почувствовал буквально тошноту... – рассказывал он в тот же вечер за обедом собравшимся у него гостям. – Я не мог удержаться, – добавил он с дрожью отвращения в голосе, – и ударил его еще несколько раз нагайкой... Карлик, лежавший до того времени неподвижно в траве, на месте, куда я его бросил, быстро вскочил на ноги, но, к моему удивлению, не убежал, а только отошел немного далее и продолжал смотреть на меня, не спуская глаз...

– Напрасно вы не удержались, К***, – заметил кто-то. – Эти уроды редко прощают.

К*** расхохотался.

– В этом меня уверяли и *шикари*. Они ехали домой точно приговоренные к смерти... *Глаза* боятся!.. Глупый, суеверный народ. Им давно следовало открыть глаза на счет этого *глаза*. Знаменитый «змеиный взгляд» возбудил во мне только более аппетита...

И он продолжал смеяться над суеверием индусов во весь остальной вечер.

На другое утро под предлогом, что он очень устал накануне, К***, встававший, как и все в Индии, очень рано, проспал далеко за полдень. Вечером у него сильно разболелась правая рука.

– Старый ревматизм, – заметил он, – через несколько дней пройдет.

Но на второе утро он почувствовал такую слабость, что еле мог ходить, а на третий день совсем слег. Врачи не находили у него никакой болезни. Не было даже лихорадки, а одна непонятная слабость и какое-то странное утомление во всех членах.

– Слово в меня влит свинец вместо крови, – говорил он знакомым.

Аппетит, возбужденный в его мнении «змеиным взглядом», разом пропал; больного стала мучить бессонница. Не помогали никакие усыпительные средства. Здоровый как бык, румяный и атлетический К*** превратился в четыре дня в скелет. На пятую ночь, которую он проводил по обыкновению со дня охоты с открытыми глазами, он разбудил домашних и спящего в соседней комнате врача громким криком:

– Прогоните эту грязную гадину!.. – кричал он. – Кто смел впустить ко мне это животное?.. Что ему нужно?.. Зачем он так смотрит?..

Собрав последние силы, он швырнул по направлению ему одному видимого предмета тяжелый подсвечник и, попав в зеркало, разбил его вдребезги.

Врач решил, что у больного начался бред. К*** кричал и стонал до самого утра, уверяя, что видит пред кроватью у ног побитого им курумба. К утру видение исчезло, но мистер К*** стоял на своем:

– То был не бред, – еле лепетал он. – Карлик как-нибудь прокрался... Я его *видел во плоти*, а не в воображении.

На следующую ночь, хотя ему было еще хуже и с ним сделался действительно бред, он не видал более никого. Врачи ничего не понимали и решили, что то был один из многочисленных неуловимых видов «болотистой лихорадки» (*jungle fever*) Индии.

На девятый день у К*** отнялся язык, а на *тринадцатый день он умер*.

Если «сила суеверного воображения... убивает в назначенное время *глупого бедняка*», то какая же эта сила убила *не верившего ни во что* богатого и образованного джентльмена? «Странное совпадение, ответят нам, простая случайность». Все возможно. Только уж слишком много таких *случайностей* в летописях Нильгири, чтоб они сами собой не представляли странного, более самой истины, явления. Пусть неверующие прежде порасспросят серьезно таких старожилов на этих горах, как генерал Морган и другие очевидцы, и только затем делают свои заключения.

Наивная теория, что одна грязная, отвратительная наружность курумбов, внушая этот общий, разделяемый всеми племенами туземцев страх, отворяет широко двери суеверию, очень неудовлетворительна. Многие из кхотов и эрулларов, и даже баддагов, столь же грязны и часто отвратительнее тех, кого они так страшатся. Если бывали случаи, когда люди умирали вследствие одного воображения и страха, то ведь нельзя и не следует превращать исключение в непреложное правило. А в том-то и главная задача, что, по сознанию многих англичан, не было еще случая, чтобы попавший под «змеиный взгляд» рассерженного курумба туземец, а особенно баддаг, остался цел и невредим. Одно в таких случаях, по их словам, спасение: «Отправиться *в первые три часа* после *встречи* к тоддам и молить о помощи. Тогда, если *тералли* даст на то согласие, всякому тодде легко *выманить* (sic) яд из отравленного *глазом* человека». Но горе тому, кто находится после *глаза* далее, нежели на трехчасовом расстоянии от тодды, или если последний, посмотрев на *сглаженного*, почему-то откажется «выманить яд». В таком случае больному грозит верная смерть.

Тот факт, что тодды всегда вылечивают, если раз возьмутся за это, и что *сглаженные*, от которых они отказываются, всегда умирают, доказывает, что это не пустое поверье.

Как объяснить такую странность?

Само собой разумеется, что гг. ученые и скептики всегда легко выйдут из этого затруднения. Они, например, скажут, что самый заявляемый нами факт не только еще не доказан, но что его совсем нет. Так они поступали в отношении ко всякому заявляемому *не ими* открытию; так поступают и теперь касательно гипнотических и месмерических феноменов. Для них самая неправдоподобная, но истекающая из *научного* якобы источника гипотеза всегда будет милее всякой истины, если она не освящена их одобрением. Это ничего, что их гипотезы почти всегда только в теории бывают весьма научны и красивы, но что на практике и примененные к голым фактам они натываются на них, как на рог дилеммы, и обыкновенно разбиваются о него вдребезги... «Это *de l'histoire ancienne*²⁰, – скажут нам, – а ваши басни о колдовстве и чарах муллу-курумбов все-таки чушь».

– Но мы имеем возможность доказать, что это не басни, а факты...

– А мы все-таки не поверим, потому что за науку стоит большинство, а официальная наука не хочет верить...

Бедный факт! Несчастливая голая истина!.. Подлинно, в наш век она выглядывает непристойною. Ей приходится либо умереть на дне своего колодца, либо умолять великих

²⁰ древняя история (*фр.*).

«вортов»²¹ науки одеть себя по последней физиологической моде. А на это они хотя и долго не соглашались, но теперь, кажется, решились – как и с каким успехом, мы покажем после, а пока одной истине приходится страдать. Действительно, каждый раз, когда простому, голому факту приходится заявлять о себе, он встречается сперва и борется с мнением влиятельного большинства, заносчивого пропорционально своему самомнению и глупости. Но когда дело доходит до борьбы с официальной наукой, то лучше ему разом откланяться и до поры до времени исчезнуть. Иначе все жрецы ее, все нахватавшиеся вершков, все консерваторы, рутинеры, «обезьяны» науки и светской интеллигенции – все это поднялось бы горой за поправленные права академий, и факт был бы прогнан в область «бабьего суеверия», галлюцинаций да «гистеро-эпилепсии»²² (*style Charcot*²³).

Невзирая на такой прием, в продолжение многих лет изгнанные были факты снова всплыли, как потопленный труп, на поверхность житейского моря и заявили о себе громче прежнего. Так громко, что даже многие из серьезных людей науки увидели себя вынужденными признаться ими... Но не станем забегать вперед.

Было на свете много таких необъяснимых или, скорее, необъясняемых нашими учеными истин и фактов²⁴, от которых только пресса еще, – следуя в этом раболепно тому классу ханжей науки, о которых Др. Шарко говорит с таким заслуженным презрением в книге Др. П.Ришера²⁵, – отворачивается с трепетом напускной брезгливости и бежит от них, как нечистая сила от ладона²⁶. Бывают, однако, случаи, когда нашей саркастической прессе приходится *quand même*²⁷ взглянуть неприятному факту в лицо, и даже серьезно признаться им. Это случается каждый раз, когда вследствие так называемого *суеверного* страха пред колдовством и чарами какой-нибудь одной личности, целая деревня сжигает ее как ведьму или колдуна. Тогда законности ради и для

²¹ От *англ.* worth – имеющий ценность, заслуживающий, стоящий (чего-либо), имеющий значение.

²² истеро-эпилепсии (*фр.* l'hystéro-épilepsie).

²³ тип Шарко (*англ.*).

²⁴ «*Et pour cause*» <«*И не без основания*», *фр.*>, как выразился Шарко в ответ к пристававшему к нему спириту. «Доколе, – сказал он, – мы не с состоянием объяснить *всего*, мы обязаны не допускать *ничего* из области явлений, о которых существует столько различных и противоречивых мнений». – *Примечание Е.П.Блаватской.*

²⁵ В ней знаменитый исследователь салпетриерских феноменов (см. *Etudes Cliniques sur l'Hystéro-Épilepsie ou Grande Hystérie*, par le Dr. Paul Rischer <«Клинические исследования по истеро-эпилепсии или большой истерии» доктора Поля Рише, *фр.*>) сильно порицает в предисловии и письме к автору тех врачей, которые видят во всех явлениях галлюцинации, «единственно *псевдо-психическую* силу» и «предрасположение *de l'attention expectante* <к *выжидательному вниманию*, *фр.*>» (теория Карпенстера). Мы соглашаемся с мнением самого автора *Etudes Cliniques* в том, что вернее можно служить науке, довольствуясь пока изучением самых обыкновенных и грубых проявлений «истерики», дабы «приняться только со временем и с чрезвычайною осторожностью за более сложные феномены», как он говорит. Но никак не можем одобрить его, когда он добавляет: «*J'ajouterai même en négligeant complètement... les faits d'une appréciation beaucoup plus difficile*, qui pour le moment *ne se rattachent par aucun lien saisissable aux faits déjà connus*» <«*Я добавлю то же самое, полностью оставляя в стороне... гораздо более затруднительные факты*, которые на данный момент *не связаны каким-либо понятным образом с уже известными фактами*», *фр.*>, потому что ведь, оставляя так бесцеремонно подобные «затруднительные факты», нечего и быть в претензии на спиритов, что они объясняют их по-своему. Нельзя также не заметить, что, соглашаясь с таким мнением Ришера, знаменитый гипнотизер Шарко этим самым заявляет и, так сказать, санкционирует *существование таких фактов*: а именно явлений, не подходящих ни к одной из теорий физиологии и невропатологических исследований – того неуловимого научным методом протоя, ставящего в тупик почтенного профессора салпетриерских покоев, и которого ему никак не приходится сваливать в одну кучу с *истерическими явлениями*. «En présence de des faits l'évidence (явлений ясновидения и гипнотизма) le scepticisme prétendu scientifique, – объясняет доктор Шарко, – que quelques uns semblent affecter encore vis-à-vis de ces études, ne saurait plus être considéré que comme un scepticisme purement arbitraire, masquant à peine le parti pris de ne rien entendre et de ne rien voir» <«Перед лицом очевидных фактов (явлений ясновидения и гипнотизма) так называемый научный скептицизм, который некоторые, по-видимому, все еще затрагивают в отношении этих исследований, может впредь рассматриваться только как чисто произвольный скептицизм, едва скрывающий предвзятость, не желающую ничего слышать и видеть»> (стр. X). – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Салпетриер – больница в Париже.

Поль Рише (1849–1933) – французский анатом, физиолог, художник и скульптор, ассистент Ж.-М.Шарко, в 1882–1896 гг. руководил лабораторией в больнице Салпетриер, совместно с Шарко исследовал истерии и эпилепсии, а также связь психических расстройств с искусством.

²⁶ ладана (*устар.*).

²⁷ тем не менее (*фр.*).

удовлетворения общего любопытства газеты начинают распространяться о грустном проявлении «столь печального и непонятного суеверия в нашем народе».

Такой случай был года три-четыре тому назад в России, когда судили и *оправдали* целую деревню (человек шестьдесят, если не ошибаюсь) за сожжение старой, полоумной бабы, возведенной мужиками-соседями в достоинство ведьмы²⁸. Таким же неприятным вопросом пришлось признаться недавно и мадрасской печати. Только наши гуманные приятели-островитяне оказались менее снисходительными, чем русские присяжные: человек сорок курумбов и баддагов были в прошлом году повешены *sans bruit ni trompette*²⁹.

Всем памятна ужасная трагедия на Нильгирийских высотах, происходившая в деревне Эбанауде, всего в нескольких милях от Уттакаманда. Заболел у старосты ребенок и стал медленно умирать. Так как уже было несколько таинственных смертных случаев в течение прошедшего месяца, то и болезнь ребенка была тотчас же приписана баддагами «змеиному взгляду» курумба. Староста в отчаянии упал в ноги суду, то есть подал жалобу. Над нею англо-индийцы хохотали три дня, а *монегара* прогнали из суда в шею. Тогда бюргеры-баддаги решились на самосуд: сжечь всю деревню курумбов до последнего человека. Они умоляли одного тогда идти с ними поджигать: без тогда-де ни один курумба ни в огне не сгорит, ни в воде не потонет. Такое уж у них поверье, и их в противном не уверишь. Собрав совет, тогда согласились: вероятно, их «буйволы так решили». Сопровождаемые одним тогда, баддаги отправились, и вот в одну темную, ветряную ночь они зажгли разом лачуги карликов. Ни один не спасся. По мере того как курумба выскакивал, баддаги бросали его назад в пламя вилами, убивали топорами. Спаслась только старая старуха, спрятавшаяся во время смятения в кусты: она и донесла. Арестовали много баддагов и с ними тогда, первого преступника с основания Утти из этого племени. Но им не довелось повесить его. Накануне смертной казни он неизвестно куда пропал: а человек двадцать баддагов успели умереть *от распухших животов* в тюрьме...³⁰

Это было несколько месяцев тому назад; а точно такая же драма разыгралась три года назад в Котагири. Напрасно защитники и даже правительственный адвокат настаивали на смягчающих обстоятельствах, глубокой вере всех туземцев в колдовство и совершаемое над ними безнаказанно курумбами зло. Они требовали если не помилования, то хоть отменения смертной казни. Все оказалось тщетным. Английские ученые могут еще поверить под более ученым термином в существование «глаза» и порчи: английские суды – никогда. И однако же, закон, который всего двести лет тому назад приговаривал ежегодно столько тысяч колдунов и колдуний к костру и пытке, до сих пор здравствует в Англии. Он остается без употребления, но до сего дня еще не отменен. Когда является необходимость, вроде желания удовлетворить самодурную публику в лице ханжей и таких атеистов, как профессор Ланкастер³¹, наказав американца медиума

²⁸ «Эпидемия кликушества в России прививалась издавна то в той, то в другой местности. <...> Одна из таких эпидемий кликушества, развившаяся в 1879 г. в деревне Врачево Тихвинского уезда Новгородской губернии, кончилась даже сожжением подозреваемой в “порче людей” крестьянки [Аграфены] Игнатъевой. “Убеждение, что Игнатъева – колдунья находило себе поддержку в нескольких случаях нервных болезней, которым подвергались крестьянки той местности, где поселилась Игнатъева. Около Крещения 1879 г. Игнатъева приходила в дом к крестьянину Кузьмину и просила творогу, но в этом ей отказали; вскоре после того заболела его дочь, которая в припадке выкрикала, что попорчена Игнатъевою. Такою же болезнью была больна крестьянка деревни Передниково Марья Иванова. Наконец, в конце января 1879 г. в деревне Врачево заболела дочь крестьянки Екатерина Иванова Зайцева, у которой ранее того умерла от подобной же болезни родная сестра, выкликавшая перед смертью, что попорчена Игнатъевой”. Так как Иванова выкрикала, что попорчена Игнатъевою, то ее муж, отставной рядовой Зайцев, подал жалобу уряднику, который и приехал во Врачево для производства дознания за несколько дней до сожжения Игнатъевой. “Крестьянин Никифоров просил крестьян защитить его жену от Игнатъевой, которая будто бы собирается ее испортить, как об этом выкрикала больная Екатерина Иванова. Игнатъеву заперли в хате, заколотили окна и сожгли. 3-х участников приговорили к церковному покаянию, остальные признаны невиновными”» (*Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908. С. 83–84). См. также: Дело о сожжении колдуньи // *Новости*, 1879, №264, 15 октября; Народный самосуд // *Новости*, 1879, №266, 17 октября; *Белюстин И.С.* Порченные // *Новое время*, 1879, №1327, 7 ноября.

²⁹ без лишнего шума (*фр.*).

³⁰ Фрагмент «Всем памятна ужасная трагедия на Нильгирийских высотах... *от распухших животов* в тюрьме...» см. так же в: *Морган Е.Г.* Колдовство в Нилгири // *Теософ*, 1883, т. 4, сентябрь.

³¹ Эдвин Рей Ланкестер (Lankester, 1847–1929) – британский зоолог.

(Слееда³²)³³, то этот древний закон вызывается из пыли забвения и применяется к невиновному ни в чем, кроме непопулярности, «преступнику». Но в Индии этот закон бесполезен. Он мог бы даже сделаться вредным, напротив, показав туземцам, что было время, когда и их владыки разделяли «суеверие». Такова сила общественного мнения в Англии, что пред ним пасует даже закон!..

Это не диверсия, как то можно подумать, а события и замечания на оные, относящиеся прямо к нашему рассказу. История сожжения целой деревни курумбов, то есть не одинокой злополучной ведьмы, как в России, а уже *ста шестидесяти семи* человек колдунов с их колдуньями и колдунятами, невзирая на то, что в Индии много разыгрывается подобных этой ужасных драм, памятна каждому жителю в Уттакаманде...

Но не к этому мы теперь ведем речь. Наша задача в этом правдивом рассказе несколько более философского характера, смеем думать. Она не ограничивается описанием простого, весьма естественного преступления, совершенного в припадке безумного страха и злобы, нагнанных верой в роковую силу чар и колдовства. Равно она не останавливается на изжаренных ведьмах и колдунах, да несправедливо повешенных вольно практикующих торквемадах³⁴, «вольно практикующих» именно в силу того, что не закон, а судьбы не хотят признать чар и колдовства. Наша задача, как мы то сейчас покажем, стремится гораздо далее.

Во-первых, как секретарь общества, задавшегося целью изучать сколько возможно глубже все такие сложные психологические вопросы³⁵, я желаю доказать, что нет в мире «суеверия», которое не было бы основано на твердом грунте истины. Затем, проникнув, как я думаю, до корня вопроса о «колдовстве», я намерена показать на основании и свидетельства самой науки, что это народное чародейство разрабатывается под покровом ее и закона самими господами учеными; что колдовство, месмеризм, гипнотизм – просто синонимы; что все это проявления одной и той же месмерической силы или *гипнотизма*, ныне не только допускаемого, но даже преподаваемого как в клинике доктора Шарко, так и в разных других центрах науки.

Понятно, что я не могу надеяться разработать даже в его общем виде такой многосложный, трудный вопрос в простом рассказе. Надеюсь, однако, показать достаточно ясно, конечно, только тем, кто убедился в существовании так называемой месмерической силы, насколько заблуждались в течение стольких веков люди, глядевшие на этот вопрос с двух противоположных полюсов мнения. Говорю о тех, кто видели в этой внутренней, хотя и ненормальной силе человека козни одного дьявола, как и о других, прямо и слепо отрицавших и отрицающих существование такой силы. Заблуждение первых повело к избиению сотен тысяч невинных людей; заблуждение последних ведет в наш век образованное человечество прямо к общественному мракобесию. По этому поводу и в прямом отношении с занимающим нас вопросом прошу позволения сделать маленькое отступление.

Нашему Теософическому Обществу следовало бы, истины ради, наименоваться «Обществом недовольных современною *материальною* наукой». Мы – живой протест против грубого материализма дня, столько же как и против неразумного, слишком сжатого в узкой рамке сентиментальности верования в «духов» умерших и *прямого* сообщения между двумя мирами. Состоя в большинстве из людей не только лучшего общества Европы, но насчитывая между нашими членами много имен, известных в современной науке и литературе, мы дерзаем поэтому обходиться без прямой санкции *официальных* ученых обществ. Мы *ничего не заявляем и ничего не отвергаем*. Мы предпочитаем, так сказать, тактику выжидательную, не упуская, однако, случая пользоваться каждым выдающимся из рамки физических условий фактом, дабы затем выставить его на соображение публики. Пусть являются такие факты живым упреком бездействию науки

³² Генри Слейд (Slade, 1835–1905) – американский медиум.

³³ См.: Процесс спиритов // Новое время, 1876, №230, 18 октября; Спирит Слэд // Новое время, 1877, №343, 11 февраля.

³⁴ Томас де Торквемада (1420–1498) – основатель испанской инквизиции, первый великий инквизитор Испании, отличался особой жестокостью, был инициатором преследования мавров и евреев в Испании. Имя Торквемады стало нарицательным для обозначения жестокого религиозного фанатика.

³⁵ Статья II статута Теософического Общества гласит: «Вторая цель Общества – изучать тайны природы и присущие человеку сокрытые силы его», то есть *естественные*, хотя от неупотребления, быть может, атрофированные психологические силы. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

естествознания и ее двигателям, не желающим, рутины ради, пальцем пошевелить для разьяснения тайных сил природы. А от этого разьяснения зависит нравственное и физическое благосостояние, быть может, сотен тысяч людей. За неимением этого разьяснения гибнут умы отцов и матерей семейств, ходят на воле миллионы спиритов, безвредная, но тем не менее угрожающая в будущем мономания которых, право, не уступит галлюцинациям пациентов любого *желтого дома*.

Словом, мы ищем не одних только материальных, непровержимых доказательств сути того, что в народе ходит под названием «колдовства», «знахарства» и «глаза», а в мистических кружках образованных людей зовется спиритическими явлениями, месмеризмом, наконец, просто *магией*, но желаем доискаться до зародивших все эти поверия причин, до самого начала той психической силы, которую физическая наука продолжает с таким странным упорством осмеивать и отрицать, вместо того, чтобы серьезно призаняться ею и объяснить ее хотя бы поверхностно. Не добравшись же сначала до источника этой силы, не изучив и даже прямо отвергая ее существование, трудно, если не невозможно, отождествлять, как то думает сделать Шарко, бесчисленные разветвления этой тайной силы. Другими словами: вырыв общую яму под ярлыком «склад больших и малых истерий», свалив в нее безразлично все проявления какого-то «неведомого», как его теперь величают в невропатологических клиниках, психического агента (*agent psychique*), не значит объяснить что-либо профанам, а тем менее оказать услугу науке. «Агент» этот не объясняет *ровно ничего*.

Положим, что профаны науки из уважения к авторитету ее представителей и поверят, например, следующему: эпилептическая истерика (возбуждаемая чисто физиологическими беспорядками в отправлениях человеческого организма) есть *то же* самое, что самопляшущий карандаш в руке медиума, а пророческие, оправданные событиями изречения «вдохновенных» всех веков подходят под одну категорию с галлюцинациями чревовещательницы *Mlle Amanda*, «вследствие истерического раздувания газами ее большой кишки»... (*sic*); а все эти четыре рода констатированных явлений, как нас важно поучают жрецы науки, происходят под совокупным действием «психического агента» и великой истерии, *la grande hystérie*.

Неужели мы должны думать, что эта неискоренимая вера народных масс в существование *колдовства*, что эта почти достоверно доказанная особенность смертных приобретать умение (вследствие ли науки или врожденных способностей) управлять организмом других, как мы то видим в месмерических и гипнотических явлениях, употребляя способности особ под таким влиянием на добро или зло, – неужели, повторяю, мы должны думать, что все это выходит из одного источника, подводится под один и тот же итог «большой истерии»? Мы вполне верим (потому что *знаем*, изучав такие силы годами), что в них нет *трансцендентных* проявлений. Но мы также знаем и то, что если они проявляются в совокупности с физиологическими и даже климатическими особенностями³⁶, которые всегда влияют на психическую сторону человека, вызывая и зарождая разные ненормальные в нем явления, то эти *силы* все-таки *не то*, чем их нам представляют материалисты и физики. Поэтому достаточно ли убедительна для серьезных, развитых и даже иногда очень ученых людей эта презрительная манера «авторитетов» бросать в лицо им насмешку или обвинение в невежественной (якобы) вере в магию при каждой попытке разьяснения таких странных явлений, а затем повернуться к ним спиной, ничего не объясняя? Не следует ли прежде всего доказать научно: 1) Каким это образом «великая истерия» и ее *консорт*³⁷ «психический агент» так могли повлиять на человечество *в массе*, что у него одновременно и с самой его колыбели развилась дикая идея о колдовстве и вера в магию? 2) Вследствие каких симпатических, однохарактерных эволюций этой таинственной *пары* зародилась в людях с доисторических времен³⁸ на всем земном шаре между народами, не сообщавшимися между собою

³⁶ Чаще всего в разреженном воздухе на горах, как мы то видим в Шотландии, где дар предвидения, ясновидения и духовидения присущ почти каждому горцу. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

³⁷ супруг (*англ.*).

³⁸ Никто не станет, надеюсь, менее всего наши ученые, отрицать *доисторической* древности халдейских магов, египетских иерофантов и *сраманов* Индии? А все эти народы верят испокон века в *колдовство* и *магию*. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Сраман (*санскр.* шраман śramaṇa) – шаман.

никогда и совершенно друг другу неизвестными, такое общее понятие, такая единокордная вера в вещи, совершенно одинаковые в сути и подробностях?

Чем объяснить такую веру? Чему приписать, например, тот странный факт, что между дикими племенами «Голубых гор», которые никогда не слыхивали про наших русских ведм, существуют во всех подробностях, от заклинаний в устах русских знахарей до особенной фармацевтики, составов зелий и пр., совершенно те же поверья, какие находим и в русских деревнях? Те же, как по духу, так и по букве, «суеверия» мы открываем в английской, французской, немецкой, итальянской и испанской, как и в славянских народностях. Латинские расы подают руку славянским, а арийские и туранские семитам в их общей вере в магию и чары, в ясновидения и предвидения, в злых и добрых духов, в древних, средневековых и современных ведм³⁹. Называя эти поверья «тождественными», употребляю слово в его буквальном, а не в относительном смысле. Это уж не просто вера или суеверие в колдовство в его общем, отвлеченном смысле, а экземпляры одного и того же издания международной науки с ее неизменными законами, формулами и т.д. в их применении на практике.

³⁹ С появлением сочинения Леярда *Ниневия и Вавилон* новый свет пролит на *Книгу Эноха* и универсальность науки, называемой «магией», бывшей вместе и религией всех древних народов. На чашках, кувшинах и другой посуде из *terra-cotta*, найденной в развалинах Вавилона и Ниневии, разобраны надписи (Томасом Эллисом, директором отделения рукописей в Британском музее), в которых мы находим заклинания, описание талисманов против чар и колдовства, злых духов, болячек, глазу и скоростижной смерти, как и имена духов. В подлиннике все это составлено по-халдейски в смеси с древне-еврейскими словами и написано буквами, общими наречию и языкам сириакскому и палмирскому с древним финикийским. Между прочими словами находится ныне употребляемое даже в христианской церкви, не только в древней магии, слово «аллилуйя». Им начинаются и кончаются все заклинания. Вот что замечает переводчик *Книги Эноха* с эфиопского языка и рукописи (в Бодлейской библиотеке) архиепископ Ричард Лоренс (archbishop of Kashell): «...Благодаря превратностям (*vicissitudes*) языков, слово, употребляемое древними язычниками-заклинателями и колдунами, теперь перешло в нашу святую христианскую церковь!» Мы же к этому замечанию можем прибавить следующее: не в том диковина, что слово, бывшее в употреблении между израильянами, вероятно, заимствованное ими от вавилонян во время плена, перешло к христианам, а в том, что те же халдейские заклинания *слово в слово*, те же на первый взгляд бессмысленные тирады наших ворожей мы находим и узнаем не только в России, но и у краснокожих индейцев Америки, у перувианцев и, наконец, у курумбов и тоддов Голубых гор Индии. Слова «аллелу, аллелу!» мы слыхали не раз в заклинаниях одного муллу-курумба. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Остин Генри Лейард (Layard, 1817–1894) – английский археолог, автор многих трудов, среди которых «Nineveh and Babylon A narrative of a second expedition to Assyria, during the years 1849, 1850, and 1851» («Ниневия и Вавилон. Рассказ о второй экспедиции в Ассирию в 1849, 1850 и 1851 гг.»).

Терракота (*ит. terra* «земля, глина» + *cotta* «обожжённая») – керамические неглазурованные изделия из цветной глины с пористым строением.

Генри Эллис (1777–1869) – английский библиотекарь и антиквар, главный библиотекарь в Британском музее. «аллилуйя» (*фр. alléluia*).

Бодлеанская (Бодлеянская, Бодлианская) библиотека (Bodleian Library) – библиотека Оксфордского университета.

Ричард Лоуренс (Laurence, 1760–1838) – английский гебраист и англиканский священник, архиепископ Кашела (с 1822 г.), автор исследования «The Book of Enoch the Prophet» («Книга пророка Еноха»).

перуанцев (*англ. Peruvian*).